

М.Е. Захарова, Е.В. Погорелов

2-я ЛЕГКАЯ РОТА ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

Несмотря на то что от дня Бородина нас отделяет более 200 лет, еще не все эпизоды этого величайшего сражения детально освещены исторической наукой. Одним из таких эпизодов являются действия 2-й легкой роты гвардейской конной артиллерии, которая, как и вся гвардия, 26 сентября 1812 г. входила в состав 5-го корпуса (5-й корпус находился в третьей линии и был резервом русской армии).

В начале Бородинского сражения главный удар Наполеона был направлен на левый фланг русских войск. Неудача у д. Семеновское заставила французского императора изменить план сражения и перенести направление главного удара на Курганную батарею (батарею Раевского).

При защите д. Семеновское прославила себя гвардейская пешая артиллерия, состоявшая из четырех рот: 1-й батарейной роты Базилевича, 2-й батарейной роты Таубе, 1-й легкой роты Вельяминова и 2-й легкой роты Гогеля¹. Прежде чем перейти к описанию их действий, рассмотрим состав полевой артиллерии и характеристику орудий и боеприпасов. Как отмечает советский военный историк Л.П. Богданов, «основной тактической единицей в русской полевой артиллерии была рота. Артиллерийские роты подразделялись на батарейные, легкие и конные.

Батарейные роты, как правило, занимали огневую позицию в полевых укреплениях. На вооружении такой роты имелось четыре полупудовых единорога, четыре 12-фунтовых пушки средней пропорции и четыре 12-фунтовых пушки меньшей пропорции.

Легкие роты были более подвижны. Они действовали чаще всего в боевых порядках войск и поддерживали их артиллерийским огнем. Эти

роты, так же как и батарейные, имели по 12 орудий: четыре четвертьпудовых единогого и восемь 6-фунтовых пушек»².

В отличие от батарейных рот, действовавших стационарно, т.е. не меняя позиции в течение боя, легкие батареи осуществляли маневр не только огнем, но и колесами. Они могли менять свою позицию, выбирая наиболее выгодное направление для стрельбы, и могли быть переброшены в наиболее опасное место. Естественно, в легких ротах орудия были меньшего калибра, чем в батарейных, а следовательно, легче.

«6-фунтовая пушка имела калибр 3,76 дюйма, вес – 22,5 пуда; стрельба велась 7-фунтовыми снарядами.

Следует отметить, что название того или иного орудия (12-фунтовые, 6-фунтовые, 3-фунтовые) не всегда точно соответствовало весу его снаряда. Нередко были и отклонения в большую или меньшую сторону.

Орудиями типа гаубиц считались единогого. Это были наиболее совершенные для того времени орудия, имевшие конические каморы. Устройство подобных камор, как бы сливающихся с каналом ствола, значительно повысило боевые качества единогогов. В сравнении с аналогичной категорией орудий иностранных армий действенность выстрелов из единогогов была значительно выше. Если у последнего начальная скорость полета гранаты была около 1200 фут/сек, то у иностранных гаубиц – 750 фут/сек»³.

За счет конической каморы единогого улучшалось прилегание артиллерийского снаряда к стенкам канала ствола, что повышало баллистические качества орудия, точность и дальность выстрела, а также снижало вес единогого по сравнению с иностранными гаубицами того же калибра.

«На каждое орудие во всех ротах полагалось иметь боекомплект из 120 зарядов: 80 – с ядрами или гранатами, 30 – с картечью и 10 – с брандскугелями. Заряды размещались в специальных ящиках и перевозились вместе с орудиями. К полупудовым единогогам и 12-фунтовым пушкам средней пропорции придавалось по три зарядных ящика, четвертьпудовым единогогам, 12-фунтовым пушкам меньшей пропорции и 6-фунтовым пушкам – по два зарядных ящика»⁴.

6-фунтовая пушка малой пропорции имела калибр 3,76 дюйма; дальность выстрела ядром составляла 1000 сажень, дальность выстрела гранатой – 500 сажень, бомбой – 450 сажень, картечью – 150–200 сажень. На пушку полагалось 77 зарядов в зарядных ящиках плюс 20 в передке орудия»⁵.

Четвертьпудовый единогог имел калибр 4,84 дюйма. Дальность выстрела ядром составляла 600 сажень, гранатой – 500 сажень,

бомбой – 600 саженой, картечью – 250–300 саженой. На единорог полагось 54 снаряда в зарядных ящиках и 12 в передке орудия⁶.

«Картечный снаряд имел вид жестяного цилиндра с железным поддоном, наполненного чугунными пулями определенного диаметра. Картечь называлась ближней, состоявшей из небольших по размеру пуль, и дальней – из более крупных. Граната отличалась от ядра тем, что имела в середине пустоту, которая заполнялась порохом. Через отверстие вставлялась в гранату деревянная трубка с зажигательным составом. При выстреле граната летела с зажженной трубкой, которая сообщала огонь пороху, находившемуся в ней, и затем взрывалась. Гранаты, весившие пуд и более, называли бомбами. Брандскугели, каркасы и светящиеся ядра использовались как зажигательные снаряды»⁷.

Ядрами вели огонь на дальние и средние дистанции по полевым укреплениям и орудиям противника, а также по плотным колоннам пехоты и конницы. Для тех же целей использовались гранаты и бомбы. Картечь использовалась для уничтожения живой силы противника, особенно эффективна была на ближних дистанциях.

«В каждой артиллерийской роте имелась полевая кузница. Ее назначение – производить ремонт артиллерийского снаряжения, лафетов зарядных ящиков, ковать лошадей»⁸.

Наличие полевой кузницы позволяло быстро в полевых условиях ремонтировать поврежденные орудия, так как от огня противника страдали практически только деревянные части лафетов, и в исключительных случаях возможно было повреждение прицелов.

В бою у Шевардина 2-я легкая рота гвардейской артиллерии не участвовала. Зная, что главный удар французы будут наносить на левом фланге, русское командование еще в день боя за Шевардино расположило гвардейскую бригаду в резерве на направлении главного удара неприятеля. Как вспоминает поручик 2-й гвардейской легкой артиллерийской роты И.С. Жиркевич: «Того же числа нас подвинули вперед, к самой линии, и расположили нас на левом фланге армии, где мы и провели все 25-е августа 1812 г.»⁹.

Вечером 24 августа, после боя у Шевардина, прапорщик 2-й роты А.С. Норов отправился к своему старшему товарищу Р.С. Таубе, командиру гвардейской батареей роты графа Аракчеева. Затем он вернулся в расположение своей части. В своих воспоминаниях он отмечал: «Я нашел у нас в гостях капитана Вельяминова и штабс-капитана Ладыгина, которые только что возвратились со Столыпинам из-под Шевардина. Они были в стрелковой цепи и рассказывали про ловкость

французских стрелков, которые, перестреливаясь, находились в беспорядочном движении, не представляя собою цели неприятелю»¹⁰.

Было понятно, что уже вскоре состоится генеральное сражение. Командир 1-й легкой роты вместе со своим старшим офицером отправился на рекогносцировку. Вместе с ними отправился и старший офицер 2-й легкой роты поручик А.А. Столыпин. Кажется странным, что в рекогносцировке не принимал участия командир 2-й легкой роты капитан А.Г. Гогель. От 1-й роты – ее командир, а от 2-й – только старший офицер. Но дальнейшие события все разъяснили. Находясь под огнем французских стрелков, капитан Вельяминов, штабс-капитан Ладыгин и поручик А.А. Столыпин хорошо изучили и действия противника, и местность, где им пришлось сражаться в Бородинской битве. Эта рекогносцировка впоследствии способствовала успешным действиям 1-й и 2-й легких батарей гвардейской артиллерии в сражении 26 августа 1812 г. А 25 августа гвардейские артиллеристы готовились к предстоящему бою.

К сожалению, даже в сборнике «„Сей день пребудет вечным памятником...“: Бородино 1812–2012» имеются досадные неточности, касающиеся офицеров 2-й легкой роты гвардейской артиллерии. Так, исследователь В.Д. Конев отмечал: «В канун Бородинского сражения адъютант командующего всей артиллерией графа Кутайсова гвардейский прапорщик Норов объехал все батареи и раздал приказ»¹¹. Но сам А.С. Норов вспоминал совсем другое: «Я был послан в этот день для ознакомления с местностью наших парков и ординарцем для принятия приказаний начальника всей артиллерии графа Кутайсова. Вот что велел он мне уже вечером передать моим товарищам: „Подтвердите от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать всем командирам и всем гг. офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции, артиллерия должна жертвовать собою. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если бы за всем этим батарея и была взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий“. Эти знаменательные слова графа Кутайсова сделались его духовным завещанием для артиллерии, и, конечно, его приказания были на следующий день буквально исполнены»¹².

Как видим, А.С. Норов не был адъютантом генерала А.И. Кутайсова, а был только прикомандирован на один день в качестве ординарца.

Он не «раздавал приказы» всем батареям, а осматривал местность, где на следующий день и разыгралось сражение. А знаменитый приказ А.И. Кутайсова он передал своим товарищам – гвардейским артиллеристам, но никак не всем батареям русской армии.

Что касается самого приказа, то нужно напомнить, что по традициям того времени потеря орудий для артиллеристов считалась позором. Но А.И. Кутайсов приказывал нанести как можно больше потерь неприятелю, не считаясь с риском потери орудий. И нужно сказать, что 2-я легкая батарея этот приказ выполнила – умирали на орудиях, но продолжали вести огонь. И ни одного орудия не потеряли!

26 августа 2-я легкая рота гвардейской артиллерии, находясь в резерве, была передвинута к передовой линии и стояла под обстрелом французских орудий. А.С. Норов так описывал утро этого дня: «Мы поздно полегли спать не раздеваясь, не помышляя, что несколько сот жерл неприятельских орудий смотрят уже на нас с противной стороны, ожидая рассвета. Ночь была свежая и ясная. Самый крепкий и приятный сон наш на заре был внезапно прерван ружейными перекатами: это была атака на гвардейских егерей в Бородине, и почти вслед за тем заревела артиллерия и слилась в один громовой гул. „Становись!“ – раздалось по рядам... Быстро припряжены были лошади к орудиям и зарядным ящикам. Несколько ядер с визгом шмыгнуло уже мимо нас; несмотря на то, чайники кипели, и нам, уже стоявшим в строю, поднесли несколько стаканов чая с ржаными сухарями. Солдаты тоже что-то закусывали, а стоявший возле меня бомбардир наливал в крышку своей манерки обычную порцию водки. Увидав, что я на него смотрю, он сказал: „Извините, ваше благородие; день долог, и, конечно, до ночи мы ничего не перекусим“.

К нам примыкал Преображенский полк; несколько офицеров этого полка собрались вместе с нами впереди нашей батареи, рассуждая о начавшейся битве. Свист ядер учащался, и мы, т.е. новички, отвесили им несколько поклонов, чему подражали и некоторые солдаты; но, видя, что учтивость наша ни к чему не ведет, и получив замечание старых бойцов *не кланяться*, сделались уже горды. Разговоры наши заметно были серьезны; всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности. Я заметил, что даже наши ретивые кони, которые сначала при свете ядер ржали и рвались, вскоре сделались смирны как ягнята. Завидя медленно катящееся к нам ядро, я рассеянно хотел его толкнуть ногой, как вдруг кто-то порывисто одернул меня назад: это был капитан Преображенского полка граф Полиньяк, мой петербургский знакомец. „Что вы это делаете! – воскликнул он, – как же это вы, артиллеристы, забываете, что даже

такие ядра по закону вращения около своей оси не теряют своей силы: оно могло оторвать вам ногу!“ Я нежно поблагодарил его за урок. Преображенцы вскоре нас оставили: у них уже начались некоторые кровавые сцены. Мы узнали, что полковник Баранцев, который часто утешал нас своею гитарою, наигрывая своего сочинения романс „Девицы, если не хотите Подвергнуться любви бедам...“, бывший тогда в большом ходу, объезжая свой батальон, был перерван ядром. Мы разместились по орудиям. Первою жертвою в моем взводе (я командовал 11-м и 12-м орудиями) была ящичная лошадь. Медленно текли часы, особенно при свисте ядер; я прилег на свое фланговое 12-е орудие, как вдруг хлопнуло ядро в стоявший передо мною зарядный ящик, который затрещал, и шарахнулись было лошади. „Граната“, – сказал кто-то, и люди раздвинулись. Я был уже на ногах: „Эх, братцы, если бы это была граната...“ Один из бомбардиров не дал мне даже договорить и, опередив меня, смело подбежал к ящику. „Господи благослови, – сказал он и быстро вскрыл крышку ящика... – Холодное ядро, ваше благородие!.. повредило сверху гнезда... да и засело...“ – говорил он, перерываясь. Я потрепал его по плечу. Когда стоишь без дела, каждое пустое обстоятельство обращает на себя внимание»¹³.

Следует пояснить, что до введения нарезного казнозарядного оружия боевые действия велись в сомкнутых боевых порядках. Резервы, будучи готовы к вводу в бой, также находились в очень плотном строю, представляя собой прекрасную мишень для артиллерии противника. Этому также способствовала и яркая военная форма. Для военачальников было очень удобно следить за большими массами войск, видных на большом расстоянии, но яркие, очень заметные цвета мундиров делали солдат и офицеров прекрасной мишенью на поле боя. Гвардейская артиллерия находилась на достаточно большом удалении от передовой линии, что исключало поражение картечью, но ядра и бомбы французов ее вполне доставали, хотя ни о какой особо точной стрельбе со стороны противника не могло быть и речи. Но так как артиллерия французов вела огонь с максимально возможным темпом, то даже случайные ядра причиняли достаточный урон. Этому способствовала и традиционная бравада русской гвардии. Для гвардейца считалось неприличным «кланяться выстрелам». Попытка укрыться от огня считалась трусостью.

Как видно из воспоминаний А.С. Норова, 2-я легкая гвардейская рота находилась под обстрелом несколько часов. Если в начале была потеряна всего лишь одна лошадь, запряженная в зарядный ящик, то затем взвод А.С. Норова спасло только чудо или военное счастье. На предельные

дистанции артиллерия вела огонь ядрами – сплошными чугунными снарядами. Масса и скорость давали наибольшую дальность стрельбы. Бомба или граната – полый чугунный снаряд с запальной трубкой, начиненный порохом, имел гораздо меньший вес за счет массы пороха и, следовательно, меньшую дальность выстрела. Это и спасло взвод А.С. Норова от больших потерь, неизбежных в случае попадания бомбы в зарядный ящик. Ядро, к счастью, в металлическую деталь ящика не попало, искры не было и взрыва не произошло.

Воспоминания А.С. Норова подтверждаются записками поручика той же роты И.С. Жиркевича: «При самом начале, рота наша хотя и не была в линии и стояла позади батарейной роты гр. Аракчеева, но ядра долетали до нас и много нас тревожили; одно из них разбило колесо под одним орудием и, сделав рикошет, поднялось прямо над моей головой, так что повышение оно от земли мне было видимо и я, едва успев присесть, почувствовал, что воздухом от полета ядра как будто ударило меня в поясницу, отчего я весь согнулся. Солдаты закричали: „поручика убило!“, но я, выпрямившись, отвечал: „Погодите, ребята! Мы еще не у места. Вот посмотрим, что будет, когда сами будем в деле!“. Часа два мы были на этом месте, потом нам приказано было отойти назад, сближаясь с центром. Тут мы простояли часу до первого, вне выстрелов, и успели даже пообедать»¹⁴.

Все-таки артиллеристы были самыми образованными офицерами в гвардии. Гибнуть из-за глупой традиции, не принеся никакой пользы, они не хотели. Поэтому был отдан приказ рассредоточиться, что позволило избежать потерь: «Никто еще из людей моего взвода не был тронут; не знаю, что происходило у других. Мы заняли широкие дистанции, чтобы давать менее добычи неприятельским ядрам, и каждый у себя хозяйничал»¹⁵.

«Пока у нас происходили подобные безделки, бой кипел уже во всем разгаре против нас в центре, а еще более на левом фланге; но клубы и занавесы дыма, из-за которого сверкали пушечные огни или чернели колонны, как пятна на солнце, закрывали от нас все. А что еще может видеть фронтной офицер, кроме того, что у него делается на глазах? Первая из рот гвардейской артиллерии, которую двинули из нашей 3-й линии в дело, была батарейная рота графа Аракчеева, которую командовал мой друг барон Таубе»¹⁶.

«Во все это время наша 2-я легкая рота все еще стояла сложа руки, под визгом ядер и с завистью смотрела, когда проходила мимо нас в бой батарейная рота графа Аракчеева: я подбежал к Таубе, он протянул мне

руку с висящею на ней моею саблею. Через час времени проследовал возле моего флангового 12-го орудия гвардейский Финляндский полк, шедший тоже в бой, и я встретил тут поручика князя Ухтомского, моего двоюродного брата»¹⁷.

Как явствует из записок А.С. Норова, 2-я гвардейская легкая рота осталась последней в резерве. Другие роты пешей артиллерии уже были задействованы в бою. 2-я рота должна была вступить в действие в решающий момент. И этот момент наступил: «Вскоре более грустная картина представилась мне; приближалась к нам небольшая группа, поддерживая полунесомого, но касавшегося одною ногою земли генерала... И кто же был это? Тот, которым доселе почти сверхъестественно держался наш левый фланг – Багратион!.. А мы все еще с орудиями на передках стояли сложа руки! Трудно выразить грусть, поразившую нас всех. <...>

Наконец, дошла очередь и до нас. Заметим, что, когда мы вступили в дело (нас потребовали на левый фланг), это уже было гораздо за полдень; почти все главные фазисы битвы уже развернулись. Но, несмотря на это, положение нашей 3-й линии не изменилось: никакой суматохи, никакого беспорядка не было тогда заметно; параллельная нам вторая наша линия хотя иногда и просвечивалась, но нигде не была прорвана. Мы стояли как бы на маневрах, за исключением того, что ядра вырывали тогда у нас несколько более жертв, чем в начале»¹⁸.

«Мой бывший товарищ поручик Глухов, быв ранен, возвращался с перевязочного пункта к своей батарее: в самое это время Ермолов завладел им, заставил его приводить в порядок людей Перновского полка и, соединив их с Уфимским батальионом, пошел вместе с ними в штыки. Тут Глухов был вторично ранен и вторично был отправлен на перевязочный пункт.

Не знаю, по чьим распоряжениям нас повели в дело; но я видел подсакавшего к командиру нашей 2-й роты капитану Гогелю офицера Генерального штаба, за которым мы и последовали по направлению к левому флангу. Это было единственное приказание, которое мы получили, и впоследствии действовали уже как знали и умели. Это был тот момент, когда по взятии неприятелем Семеновских флешей наша боевая линия, командуемая Дохтуровым и Коновницыным, под покровительством нашей артиллерии, выстраивалась вдоль оврага между Семеновскою и противулежащею платформою. И наша батарея была выдвинута для той же цели»¹⁹.

А.С. Норов писал, что он не знал, по чьему распоряжению батарея была двинута в бой. Но очень подробно об этом сообщает И.С. Жиркевич.

После того как батарея успела пообедать, произошел случай, очень нелицеприятно характеризующий командира батареи капитана А.Г. Гогеля: «...едва кончили нашу закуску, как подъехал какой-то адъютант. После мы узнали, что это был один из адъютантов Дохтурова – Дохтуров же.

– Где здесь батарейная рота капитана Гогеля? – закричал он.

Я и поручик Столыпин вскочили и подбежали к нему, закричав: „Наша!“ Гогель же начал объясняться, что хотя это рота и его, но она не батарейная, а легкая. Не различая этого, Дохтуров сказал нам, что мы должны идти на левый фланг, где нам он укажет место. Гогель стал было затрудняться, но мы, а вместе и все прочие офицеры настояли, чтобы идти туда»²⁰.

Фактически А.Г. Гогель пытался уклониться от исполнения приказа генерала Д.С. Дохтурова, сменившего П.И. Багратиона и принявшего командование войсками левого фланга. Воспользовавшись тем, что адъютант назвал роту не легкой, а батарейной, он вступил в пререкания. И тут случилось практически невероятное: старший офицер роты и все остальные офицеры не подчинились своему командиру роты и фактически заставили его пойти в бой. Рота двинулась на левый фланг: «Дохтуров поехал вперед и повел нас кустарниками, почти без дороги; а как в этом пункте ядра ложились в учащенном количестве, то наш вожатый начал забирать левее и левее, дабы выйти из-под выстрелов. Но едва мы вышли из кустов, как по нас раздался залп и мы прямо очутились пред двух-ярусной неприятельской батареею. Адъютант поскакал назад»²¹.

Но и дальше А.Г. Гогель показал себя не с лучшей стороны: «Гогель смешался, крича ему вслед: „Покажите нам место!“ Я же, будучи впереди, при первом орудии, тронулся, скомандовал: „рысью“, и, втянувшись в интервал двух колонн в линии, закричал: „выстраиваться влево!“ Нижнего яруса неприятельская батарея дала несколько выстрелов картечью, а верхняя пустила ядрами, так что в одно время ядром убило лошадь под Гогелем и оконтузило картечью подпоручика Ваксмута, который был при соседних от меня орудиях. Мы распорядились сами и открыли огонь. Нижнего яруса батарея тотчас же отошла к верхней, но зато ядра просто посыпались на нас, как град – и мы едва-едва простояли с час. Множество людей выбыло из фронта, довольно перебито лошадей и подбито 3 или 4 лафета»²².

По воспоминаниям И.С. Жиркевича получается, что в бою 2-я легкая рота гвардейской артиллерии находилась всего лишь около часа, и затем она была сменена 1-й легкой ротой гвардейской артиллерии: «Гогель

давно уже послал известить о нашем трудном положении и нас сменила другая легкая рота Вельяминова; но как и он получил контузию, то этою ротою командовал Лодыгин»²³. Однако это противоречит свидетельству А.С. Норова: «Действия изнеможенной от непрестававшей борьбы пехоты, как нашей, так и французской, на время прекратилось, и начался жестокий артиллерийский поединок. Несколько правее от нас действовала небольшая батарея; мы узнали впоследствии, что это был остаток нашей гвардейской 1-й легкой роты, которая уже давно боролась возле Измайловского полка; ею командовал штабс-капитан Ладыгин, заменивший раненого ротного командира Вельяминова; она уже готовилась сняться с позиции от огромной потери в людях, в лошадях, от растраты всех снарядов и по причине подбитых орудий. И действительно, она скоро снялась, но возвратилась в бой к вечеру с половинным числом орудий и людей. Из ее семи офицеров уцелел только один Ладыгин; у прапорщика Ковалевского оторвало обе ноги, а у Рюля – одну»²⁴.

1-я легкая рота гвардейской артиллерии действовала совместно со 2-й легкой ротой гвардейской артиллерии, затем была отведена в тыл, где орудия были исправлены в походной кузнице роты, был пополнен запас снарядов, и 1-я легкая рота гвардейской артиллерии сменила 2-ю только к вечеру, а никак не через час с начала вступления в бой 2-й легкой роты.

Более подробно, чем И.С. Жиркевич, действия 2-й легкой роты гвардейской артиллерии описывает А.С. Норов: «К левому флангу нашей батареи, неподалеку от меня, примыкал кирасирский полк его величества. Место, на которое мы попали, было незавидное; неприятель, вероятно, заметил подошедшую нашу свежую батарею и принялся нас угощать; но зато и мы его не щадили, и можем смело сказать, что действие нашей артиллерии было для него губительнее, чем для нас. Мы беспрестанно замечали взрывы его ящиков. „Это нашим единорогом“, – говорил то один, то другой из моих артиллеристов. Мой сосед, подпоручик Рославлев, командовавший 9-м и 10-м орудиями, у которого беспрестанно вырывало то человека, то лошадь, принужден был изменить позицию, подвинувшись вперед и прикрыв нижнюю часть орудий находившимся перед ним бугорком. Наши солдаты были гораздо веселее под этим сильным огнем, чем в резерве, где нас даром било. Я постоянно сам наводил 12-е орудие. В один момент, когда бомбардир Курочкин посылал заряд, неприятельское ядро ударило ему в самую кисть руки. „Эх, рученька моя, рученька“, – вскрикнул он, замахавши ею, а стоявший с банником, поднимая упавший заряд и посылая его в дуло, обрызганное

кровью, которое он оттер своим рукавом: „Жаль твою рученьку, – ответил он, – а вон, посмотри-ка, Усова-то и совсем повалило, да он и то ничего не говорит“. Я обернулся и увидел бедного Усова, лежащего у хобота: он был убит, вероятно, тем же ядром, которое оторвало руку у Курочкина. Жаль мне, что я забыл имя бомбардира, вызвавшего, несмотря на трагический повод к тому, улыбку солдат»²⁵.

А.С. Норов приводит интересные подробности боя. Огонь 2-й легкой роты гвардейской артиллерии был более действенным, чем огонь неприятеля. Во 2-й легкой роте гвардейской артиллерии были погибшие и раненые офицеры и солдаты, поврежденные орудия (разбиты, по воспоминаниям И.С. Жиркевича, три-четыре лафета), убитые лошади, но ни один зарядный ящик не был взорван. Следовательно, французы вели эффективный огонь только ядрами, а их огонь гранатами был не очень точен. Действенность огня французов ядрами подтверждает А.С. Норов. Он сам наводил орудие, и в этот момент французское ядро убило солдата-артиллериста Усова и оторвало руку бомбардиру Курочкину. 2-я легкая рота гвардейской артиллерии вела огонь из своих четырех единорогов гранатами, что приводило к многочисленным взрывам зарядных ящиков у французских артиллеристов. Наличие в русских ротах единорогов, которых не было у французов, делало огонь русской артиллерии более эффективным.

2-я легкая рота гвардейской артиллерии в бою не только наносила большие потери неприятелю. Ее офицеры без приказа командира проявляли и разумную инициативу. Так, поручик Рославлев, попав под сильный огонь неприятеля, изменил позицию своих двух орудий, 9-го и 10-го, расположив их за естественным укрытием, что позволило избежать поражения французскими ядрами наиболее уязвимых частей орудий и уменьшить людские потери. Интересно, что 17-летний прапорщик А.С. Норов дал совет старшему по званию – кавалерийскому ротмистру (а кавалеристы считали себя выше, чем пехота и артиллерия), и к этому совету прислушался командир кирасирского полка, что позволило избежать больших потерь: «Нас прикрывал кирасирский его величества полк; стоявши на фланге, я не мог не заметить опустошения, которое делали неприятельские ядра в рядах этого прекрасного полка. Ко мне подъехал оттуда один ротмистр; <...>. „Так ли же бьет у вас?“ – спросил меня ротмистр. „Порядочно, – отвечал я, – да только мы делаем дело, а больно глядеть на вас. Зачем вы не спуститесь несколько пониже назад по этому склону? Вы всегда успеете нам помочь, если б наскочала на нас кавалерия“. – „Правда ваша, – сказал он, сдерживая свою лошадь,

которая мялась и пятилась от наших громовых выстрелов, и, кажется, он передал это своему полковому командиру, потому что вскоре полк отодвинулся от нас»²⁶.

Если офицеры и нижние чины 2-й легкой роты гвардейской артиллерии проявили себя в бою с лучшей стороны, то этого нельзя сказать об их командире А.Г. Гогеле. Как вспоминает А.С. Норов: «Командование нашей батареею скоро перешло к штабс-капитану Столыпину: неприятельская граната сильно оконтузила капитана Гогеля, убив под ним лошадь»²⁷. Но А.С. Норов сам этого не видел. И.С. Жиркевич, непосредственный свидетель произошедшего, сообщает весьма нелицеприятные подробности:

«Когда под Гогелем убили лошадь, он был возле меня. Упавши вместе с конем, он едва выпутал ноги и, весь бледный, дотащился до меня. „Что же это ты, Александр Григорьевич? – сказал я ему – или тебе седла не жаль? Вели снять, а то после будет поздно!“, и приказал это солдату сделать; сам же Гогель не в состоянии был и этого приказать»²⁸.

Получается, что А.Г. Гогель был просто придавлен убитой лошадью и сильно растерялся. Фактически он полностью потерял самообладание и к командованию был неспособен. Напомним также, что после боя за Шевардинский редут он не участвовал в рекогносцировке. Во время Бородинского сражения А.Г. Гогель, используя неточность в устном приказе Д.С. Дохтурова, переданном его адъютантом, фактически отказался его исполнить. Только по настоянию офицеров роты во главе с А.А. Столыпиным и И.С. Жиркевичем он был вынужден подчиниться приказу Д.С. Дохтурова. Затем, уже в передовой линии, А.Г. Гогель растерялся, и команду разместить батарею в линию давал не он, а И.С. Жиркевич. Офицеры сами открыли огонь по неприятелю без команды А.Г. Гогеля.

Поэтому командование 2-й легкой ротой гвардейской артиллерии принял поручик А.А. Столыпин. Это произошло в один из решающих моментов боя.

«Мы были в одно время весьма неприятно удивлены несколькими продольными неприятельскими выстрелами с правой стороны нашей батареи. Причина тому была перегнувшаяся линия нашего левого фланга по взятии французами Семеновских флешей, так что огонь французских батарей, направленный на нашу центральную батарею, названную Раевскою (бывшую предметом возобновляющихся усилий неприятеля овладеть ею), начал достигать до нас; мы подвинулись поэтому вперед; но вскоре увидели перед собою ряды неприятельской кавалерии. Это была кавалерия Латур-Мобура. Наполеон, временно утешенный взятием

Семеновских флешей, направил в то время Мюрата с кавалерийскими корпусами Нансути и Латур-Мобура порешить с нами и Шевардиным редутом... Эта тяжелая туча, грозившая разгромом, разбилась о штывки кареев наших гвардейских полков Измайловского и Литовского и была потом разгромлена нашими гвардейскими батареями его высочества и графа Аракчеева и отчасти 1-ю легкой ротой. Наполеон мечтал тогда, конечно, о Маренго и о Келлермане, но он имел дело не с австрийцами, и скоро последовало разочарование: большая часть знаменитой его кавалерии полегла на этом месте и не могла уже потом поправиться. Кавалерийская атака была повторена и нашла ту же участь. Явившаяся теперь перед нами кавалерия предприняла третью попытку; отброшенная опять кареями наших гвардейских полков, она обернулась на нас и, заслонив собою действие своей артиллерии, дала возможность нашей батарее несколько вздохнуть и оправиться»²⁹.

По приказу Наполеона на русские позиции пошла в атаку тяжелая кавалерия. Русская конница двинулась в контратаку. И вот тогда 2-я легкая рота гвардейской артиллерии совершила настоящий подвиг. Недаром А.А. Столыпин участвовал в рекогносцировке после боя за Шевардино. Местность между Шевардино и Семеновским оврагом он изучил отлично, чем и воспользовался в решающий момент сражения. Вот как пишет об этом А.С. Норов:

«Тогда кирасирский его величества полк двинулся для удержания атаки. Наш батарейный командир Столыпин, увидев движение кирасиров, взял на передки, рысью выехал немного вперед и, переменив фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела. Орудия были заряжены картечью; цель Столыпина состояла в том, чтобы подпустить неприятеля на близкое расстояние, сильным огнем расстроить противника и тем самым подготовить верный успех нашим кирасирам. Неприятель смело шел малою рысью прямо на грозно ожидавшую его батарею; но в то время, когда неприятельская кавалерия была не далее 150 саженей от батареи, на которой уже наносились пальники, кавалерия эта развернулась на две стороны и показала скрытую за нею легковую конную батарею, снявшуюся уже с передков. Одновременно с обеих сторон разразились выстрелы. Неминуемая сумятица не могла не произойти временно на батарее при столь быстрой посылке картечи: несколько людей и лошадей выбыло из строя; но, имея дело с кавалерией, у нас уже были приготовлены картузы для следующего выстрела, и я успел еще послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю... я вдруг почувствовал электрическое сотрясение,

упал возле орудия и увидел, что моя левая нога раздроблена вдребезги... Я еще видел, как наши кирасиры, бывшие дотоле бездействующими зрителями, понеслись в атаку. Положение неприятельской батареи, конечно, было хуже нашей; выстрелом одного из наших единорогов, заряженного гранатою, взорван был там зарядный ящик; в густом облаке дыма нельзя было различить, что там происходило. Этим был прекращен артиллерийский поединок. Ответных выстрелов с неприятельской батареи уже не было. Наша кавалерия, как я впоследствии узнал, смяла неприятельскую и отбила у нее из шести орудий два»³⁰.

То, что совершила 2-я легкая рота гвардейской артиллерии со своим командиром А.А. Столыпным, не вписывалось ни в какие правила военного искусства той эпохи. Обычно кавалерию сопровождала в бою конная артиллерия: именно она подготавливала атаку кавалерии, а кавалеристы защищали пушки. Здесь же А.А. Столыпин со своей легкой ротой, пешей, а не конной, бросился впереди своих кирасир на вражескую кавалерию, готовившуюся к атаке. Конная артиллерия отличалась своей быстротой и подвижностью за счет более легких орудий, большего количества лошадей в упряжке, а также тем, что все артиллеристы, а не только офицеры, имели верховых лошадей. В легких же ротах верховые лошади были только у офицеров. Если конная артиллерия практически вылетала на галопе, открывала огонь по противнику и быстро, с максимальной скоростью, в случае необходимости уходила от атакующей кавалерии противника, то легкие роты пешей артиллерии этого делать не могли. Как вспоминает А.С. Норов, батарейный командир А.А. Столыпин «рысью выехал несколько вперед». Вылететь на галопе, как это делала конная артиллерия, 2-я легкая рота гвардейской артиллерии не могла, поэтому двигались рысью, а орудийная прислуга частью разместились на передках, частью бежала рядом. Естественно, такой наглости от пешей артиллерии французы не ожидали. Зарядив пушки картечью, артиллеристы 2-й легкой роты гвардейской артиллерии спокойно подпустили неприятеля не далее 300 метров и открыли убийственный огонь. Причем командир роты А.А. Столыпин отдал приказ стрелять с дистанции, наиболее выгодной.

«Картечь использовалась для стрельбы из пушек и единорогов только по живой силе противника. На расстоянии до 300 сажен вели огонь дальней картечью, при приближении неприятельских войск до 200 сажен – ближней. Считалось, что наибольшие потери войска несут от картечного огня, особенно если из орудий стреляют с близкого расстояния»³¹.

«Действенность выстрелов картечью была наиболее эффективна на расстоянии 150–300 сажен. Согласно данным Ученого комитета по артиллерийской части, наилучшие результаты стрельбы картечью по счетам 18×6 футов, например, из 12-фунтовой пушки на расстоянии 300 сажен дальней картечью (в цель попало менее половины пуль) и 150 сажен – ближней картечью (в цель попало около трети пуль)»³². Такие данные приводятся в «Артиллерийском журнале» за 1811 г.³³

Артиллеристы 2-й легкой роты гвардейской артиллерии были подготовлены лучше, чем артиллеристы французской легкой конной батареи, пытавшейся расстрелять русских, прикрывшись своими кирасирами. Более меткий огонь артиллеристов А.А. Столыпина нанес французам большие потери. Восемь русских пушек, заряженных картечью, выбивали лошадей и орудийную прислугу французской легкой конной батареи, а четыре единорога вели огонь гранатами по зарядным ящикам, добившись попадания и взорвав один из них, после чего французы огонь прекратили, и русская кавалерия пошла в атаку, не подвергаясь обстрелу со стороны французской легкой конной батареи. Понеся большие потери в артиллерийской прислуге и лошадях, французы смогли вывести только четыре орудия; две пушки были захвачены русскими кирасирами.

Решительные действия 2-й легкой роты гвардейской артиллерии под командованием А.А. Столыпина не только предотвратили обстрел русской кавалерии французской конной артиллерией, но и нанесли неприятелю большие потери, фактически выведя неприятельскую батарею из строя, чем обеспечили успешную атаку русской кавалерии – ту самую атаку бригады Н.М. Бороздина, изображенную на знаменитой панораме Ф.А. Рубо «Бородинская битва».

2-я легкая батарея гвардейской артиллерии также понесла потери в людях и лошадях от картечного огня французов. А.С. Норов свидетельствует: «В это же время мой товарищ, подпоручик Вакмут, был ранен картечною пулею, которая засела у него под правую лопатку. Рана Вакмута была наскоро перевязана солдатами, и он до конца дела оставался на батарее, а под Стольпиным убита его лихая горская лошадь»³⁴.

Но офицеры батареи самообладания не теряли, оставаясь в строю до последней возможности. 17-летний прапорщик А.С. Норов получил ранение картечью в ногу (была раздроблена кость). Такое ранение вызывает страшную боль, многие кричат и даже теряют сознание, но молодой офицер не проявил своей слабости перед подчиненными и думал в первую очередь о боеспособности своего взвода. Он сразу

послал солдата сообщить командиру о том, что он выбыл из строя и командовать взводом больше не может:

«Мой добрый друг и тогда начальник Афанасий Столыпин, которому я послал сказать, что фланговые орудия остаются без офицера, подбегал ко мне и, погоревав надо мною, послал отыскивать ратников; но их вблизи не нашлось. Меня понесли на шинели; мы встретили подбитое орудие, влекомое на раненых хромых лошадях, и меня кое-как уложили на него, при мне остался поддерживавший меня бомбардир Козлов. Медленно подвигались мы, провожаемые ядрами; наконец достигли желанного места возле какого-то сарая, перед которым вся лужайка была занята сидевшими и лежавшими ранеными, терпеливо ожидавшими, когда дойдет до них очередь. Доктора, с засученными рукавами, выпачканными кровью, подбегали то к одному, то к другому; кучи отрезанных членов лежали в разных местах. Меня положили перед Каменецким, который тогда отнимал руку у гренадера, сидевшего на камне. Я обернулся к Козлову: „Останься, мой друг, при мне, пока придут из обоза мои люди“.

– „Я попрошу, ваше благородие, – отвечал он, – чтоб здесь покамест вас поберегли, а мне позвольте вернуться на батарею: людей много бьет, всякий человек теперь там нужен“. – «Христос с тобою, мой друг, – сказал я ему. – Если я останусь жив, ты не останешься без награды“.

И он получил Георгиевский крест»³⁵.

Поражает мужество 17-летнего офицера. Ему готовятся проводить ампутацию (наркоза в то время еще не было), а он думает о том, чтобы помогавший ему солдат Козлов получил полагающуюся ему награду (за спасение жизни офицера нижнему чину полагался Знак отличия Военного ордена, в просторечии солдатский Георгиевский крест).

После окончания сражения подвиг 2-й легкой роты гвардейской артиллерии был отмечен командованием русской армии. М.И. Кутузов в наградной реляции писал: «Капитан Гогель с командуемой ротою, выстроясь под сильным огнем, отразил неприятельскую кавалерию, искусным направлением своих орудий прервал действие неприятельских батарей и взорвал один его ящик. Поручики Жиркевич и Столыпин действовали отлично своими орудиями по неприятельским кавалерии и батареям, коих пальбу заставили прерывать»³⁶. Получилось, что проявивший себя, мягко говоря, не с лучшей стороны капитан А.Г. Гогель вошел в историю благодаря мужеству и героизму своих подчиненных. Принявший командование батареей поручик А.А. Столыпин за Бородинский бой был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами³⁷, а также золотой шпагой с надписью «За храбрость»³⁸.

Находясь на направлении главного удара французов в решающий момент боя, артиллеристы 2-й легкой роты гвардейской артиллерии нанесли тяжелые потери противнику, с честью выполнили свой воинский долг и вошли в историю как герои Бородина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бородино, 1812 / Отв. ред. П.А. Жилин. М.: Мысль, 1987. С. 155.
- ² *Богданов Л.П.* Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. М.: Воениздат, 1979. С. 142.
- ³ Там же. С. 143.
- ⁴ Там же. С. 142.
- ⁵ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. С. 221.
- ⁶ Там же. С. 221.
- ⁷ *Богданов Л.П.* Указ. соч. С. 144 (сноска).
- ⁸ Там же. С. 143–144.
- ⁹ *Жиркевич И.С.* Записки, 1789–1848. // Рус. старина. 1874. №8. С. 653.
- ¹⁰ *Норов А.С.* Воспоминания // России двинулись сыны: Записки об Отечеств. войне 1812 года ее участников и очевидцев / Сост. С.С. Волк, С.Б. Михайлова; худож. В. Комаров. М.: Современник, 1988. С. 348
- ¹¹ *Конев В.Д.* Авраам Сергеевич Норов: Путь от Бородина до Иерусалимского проекта // «Сей день пребудет вечным памятником...»: Бородино, 1812–2012: Материалы Междунар. науч. конф., 3–7 сентября 2012 г. / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2013. С. 442.
- ¹² *Норов А.С.* Указ. соч. С. 350.
- ¹³ Там же. С. 350–351.
- ¹⁴ *Жиркевич И.С.* Указ. соч. С. 653–654.
- ¹⁵ *Норов А.С.* Указ. соч. С. 352.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 353–354.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 356.
- ²⁰ *Жиркевич И.С.* Указ. соч. С. 654.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 654–655.
- ²³ Там же. С. 655.
- ²⁴ *Норов А.С.* Указ. соч. С. 356–357.
- ²⁵ Там же. С. 357.

-
- ²⁶ Там же. С. 357–358.
- ²⁷ Там же. С. 357.
- ²⁸ *Жиркевич И.С.* Указ. соч. С. 655.
- ²⁹ *Норов А.С.* Указ. соч. С. 358–359.
- ³⁰ Там же. С. 359–360.
- ³¹ *Богданов Л.П.* Указ. соч. С. 145.
- ³² Там же. С. 146.
- ³³ Там же. С. 147.
- ³⁴ *Норов А.С.* Указ. соч. С. 360.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Цит. по: Бородино, 1812. С. 155.
- ³⁷ *Белоусов С.В.* «Недаром помнит вся Россия...»: Пензенцы – участники Отечеств. войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Пенза: ПГПУ, 2004. С. 257.
- ³⁸ *Лермонтовская энциклопедия* / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 552.